

Главное в образовании — учитель.

Александр Механик
обозреватель журнала «Эксперт»
22 мая 2023, №21

Качество педагогического корпуса — определяющее звено любой системы образования. Это гораздо важнее, чем разделение образования на бакалавриат и магистратуру, считает ректор **Национального исследовательского ядерного университета МИФИ Владимир Шевченко**

В своем послании Федеральному собранию 21 февраля 2023 года президент Владимир Путин заявил о запуске реформы высшего образования и отмене Болонской системы, отметив, что необходим синтез «всего лучшего, что было в советской системе образования, и опыта последних десятилетий».

В последнее время реформа стала приобретать уже более определенные очертания. На совещании Союза российских ректоров глава Минобрнауки России Валерий Фальков рассказал, что новая национальная система высшего образования будет состоять из трех уровней: базовое (основное) высшее образование, специализированное высшее образование и аспирантура. А 12 мая президент подписал указ «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования», согласно которому в 2023/24 и 2025/26 учебных годах в нескольких вузах системы высшего образования реализуется пилотный проект, направленный на изменение уровней профессионального образования. Указ предусматривает:

а) установление следующих уровней высшего образования:

— базовое высшее образование;

— специализированное высшее образование;

б) установление уровня профессионального образования — аспирантура;

в) реализацию на уровне специализированного высшего образования программ магистратуры, программ ординатуры и программ ассистентуры-стажировки.

Надо заметить, что присоединение России в 2003 году к Болонской системе с самого начала вызвало активное общественное обсуждение, и далеко не все в системе высшего образования были согласны с этим решением. А теперь вузовская общественность активно обсуждает возможные параметры объявленной реформы. Большинство участников обсуждения признают, что именно инженерно-техническое образование, возможно, наиболее сложное с точки зрения организации, потому что требует сочетания серьезной фундаментальной подготовки с обучением разнообразным прикладным наукам и практическим навыкам. А значит, его реформа требует особой тщательности.

Проблемы начавшейся реформы мы обсуждаем с доктором физико-математических наук Владимиром Шевченко — ректором Национального исследовательского ядерного университета МИФИ (Московский инженерно-физический институт), одного из ведущих инженерных вузов страны.

— Как бы вы оценили систему советского высшего образования, ее достижения и недостатки? Насколько был, на ваш взгляд, оправдан переход к Болонской системе?

— Прежде всего надо сказать, что я сам являюсь продуктом советской системы среднего образования и ранней постсоветской системы высшего, поскольку я окончил среднюю школу как раз в 1990 году. И я разделяю известную точку зрения о том, что в любой образовательной системе первичен акт взаимодействия наставника и ученика. Это касается и учителя в средней школе, и профессора в университете. Именно из этого акта рождаются те плоды образования, которые, собственно, мы считаем успехом, ведь успех любой образовательной системы — это прежде всего успех тех людей, которые через нее прошли, выражающийся в разных формах. Несомненно, в советской средней и высшей школе было огромное количество талантливых, мотивированных, профессиональных педагогов. А в какую организационно-методическую форму это упаковано, какова продолжительность обучения, последовательность и содержание курсов — это, конечно, тоже очень важно, но все равно вторично.

К сожалению, за постсоветские годы у нас в образовании подчас форма стала превалировать над содержанием. И мы стали больше внимания уделять тому, как оформлены документы, чем тому, кто и как работает с живым учеником. Я считаю, что качество педагогического корпуса — определяющее звено любой системы образования. Это гораздо важнее, чем история про разделение образования на бакалавриат и магистратуру. И это первое, о чем я хотел сказать.

Второе обстоятельство заключается в том, что изменился рынок труда, принимающий выпускников системы образования. Советская система готовила людей под конкретную структуру экономики, под конкретную социально-политическую структуру общества, а теперь мы исходим из того, что образовательная система должна больше ориентироваться на запросы студентов, то есть, грубо говоря, мы должны учить людей преимущественно тому, чему они сами хотят учиться. Мы помним эпоху, когда у нас во всех вузах открывалось обучение на экономистов, менеджеров, бухгалтеров и так далее, что в условиях создания новой экономики, наверное, имело какое-то оправдание, но в результате мы потеряли целый слой людей моего поколения для научно-технической сферы нашей страны. И я думаю, что наступающий новый этап в нашем образовании должен, во-первых, вернуть высокий социальный статус и авторитет учителю средней школы и профессору университета, а во-вторых, обеспечить разумный баланс между объективными потребностями нашей экономики, запросами обучающихся и возможностями образовательной системы.

Болонская система не сильно повлияла на подготовку специалистов

— Но все-таки, надо ли было переходить к Болонской системе?

— По факту мы пришли к ситуации, когда высшее образование довольно четко разделилось на два варианта подготовки специалистов. Первый вариант — подготовка тех, кому четырех лет бакалавриата достаточно для выхода на рынок труда, они сами хотят этого, и рынок труда готов их воспринять. А дальше их квалификация растет уже в процессе профессиональной деятельности. В частности, многие IT-специальности именно так устроены. А по тем специальностям, где четырех лет подготовки явно недостаточно для получения дипломированного специалиста (это, например, медицинские и инженерно-технические специальности), либо сохранилась значительная доля специалитета, либо под полноценным высшим образованием всегда понималось окончание магистратуры, которая

следовала сразу за бакалавриатом. То есть фактически те же шесть лет подготовки, которые были раньше.

Поэтому, если говорить по делу, я не думаю, что то, что у нас называлось Болонской системой, сильно повлияло на подготовку специалистов в лучшую или в худшую сторону. Тут надо еще вспомнить, что при создании Болонской системы центральную роль играла идея мобильности, подразумевавшая, что по окончании бакалавриата в одном вузе человек может поступить в магистратуру другого вуза. Это имеет смысл, когда у вас достаточно однородная университетская среда. В российских реалиях это не так. В начале 2000-х у нас в стране было больше полутора тысяч организаций высшего образования. И значительная часть вузов представляла собой просто конторки по выдаче дипломов, не подкрепленных никаким содержанием. За последние двадцать лет была проделана большая работа по «санации» нашего образовательного пространства, но даже сейчас в России больше 600 государственных и негосударственных вузов. Не секрет, что они сильно отличаются по уровню. Не хочу никого обидеть, но ясно, что далеко не все обладатели диплома бакалавра смогут успешно учиться в магистратурах по их или, тем более, по смежным специальностям в других, более сильных вузах — просто потому, что между вузами существует большой разрыв в качестве образования, который начинается с разрыва при наборе абитуриентов. В этом аспекте Болонская система в наших реалиях оказалась, я бы мягко сказал, половинчатой.

— Недавно я брал интервью у проректора Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого [Алексея Боровкова](#). Он выступает за систему высшего образования по системе «2 + 2 + 2», когда студент, отучившись два курса, на которых изучаются базовые, фундаментальные дисциплины, имеет возможность, подумав о своем будущем, уточнить траекторию обучения и на следующие два курса изменить ее в рамках укрупненных групп специальностей, а еще через два года он уже окончательно выбирает направление обучения, при этом законченным является образование в течение шести лет. Все остальное — это все-таки как бы незаконченное высшее образование. У меня сложилось впечатление, что Фальков, выступая на совещании ректоров, высказал примерно те же идеи...

— Двигаясь от шестилетнего обучения к обучению «бакалавриат плюс магистратура» — «4 + 2», а потом еще разбивая бакалавриат — «2 + 2», мы в пределе этого процесса получим то, что называется индивидуальной образовательной траекторией. Другими словами, каждому студенту в зависимости от того, какими знаниями, навыками, компетенциями он хочет обладать на выходе и какие у него есть исходные данные, не только с точки зрения формальных баллов, но и с точки зрения его психофизического профиля, мы в идеале сможем построить уникальную образовательную траекторию, которая наиболее эффективным образом приведет его к желаемой цели.

С ряда точек зрения это очень привлекательная модель. Однако, во-первых, далеко не все студенты знают и могут сформулировать, чего они хотят. Во-вторых, в процессе этого движения они могут осознать, что на самом деле хотят совершенно другого, чем им казалось на основе их детских представлений, часто очень наивных, о том, как устроена та или иная сфера деятельности. Вообще, все это парадоксальным образом возвращает нас к модели средневековых университетов, когда знавший латынь студент мог прослушать курс у одного профессора в Сорбонне, а на следующий семестр пойти слушать другой курс в университет той же Болоньи. В этом смысле индивидуальная образовательная траектория — это некая реинкарнация, так сказать, этих образовательных практик пятисотлетней давности, но уже на современном цифровом уровне. Я думаю, что по этому пути в той или иной форме будет идти и отечественная, и вся мировая образовательная

система. В России есть консорциум индивидуальных образовательных траекторий ИОТ, в рамках которого мы, наряду с другими университетами, которые входят в этот консорциум, работаем с компанией CUSTIS и ее платформой Modeus.

Главная тонкость этого подхода, на мой взгляд, — фигура того человека, того наставника, который выступает старшим товарищем конкретного студента, помогающим ему в навигации в этом очень сложном пространстве. Потому что если мы встанем на ту точку зрения, что это личная ответственность самого студента, он должен сам решать, чего он хочет, и помогать ему не надо, то мы получим большой процент людей, которые будут двигаться по этому пространству квазислучайным образом и на выходе научатся, по Пушкину, «понемногу чему-нибудь и как-нибудь». Есть яркие примеры успешных людей с такой образовательной биографией — скажем, Стив Джобс. Но вряд ли вы захотели бы лечиться у такого врача.

А другая крайность — если мы будем студенту все время жестко указывать, что ему делать, это дезавуирует саму идею индивидуальных образовательных траекторий, и тогда просто у него будет фиксированное расписание на все время обучения, по которому он движется, как по трубе. И вот здесь нужно найти тонкий баланс. Многие люди возлагают в этом вопросе большие надежды на системы искусственного интеллекта и психологической диагностики на их основе. Я уверен, что обучающие системы искусственного интеллекта, которые подстраиваются под уровень владения предметом и работают в том пространстве понятий и в той логике, которыми ученик на данном этапе владеет, будут очень важным и мощным инструментом в образовательной деятельности, что поспособствует дальнейшему развитию концепции индивидуальных образовательных траекторий. А система «2 + 2 + 2» — это хорошее приближение к этому.

— А что было сказано на совещании ректоров?

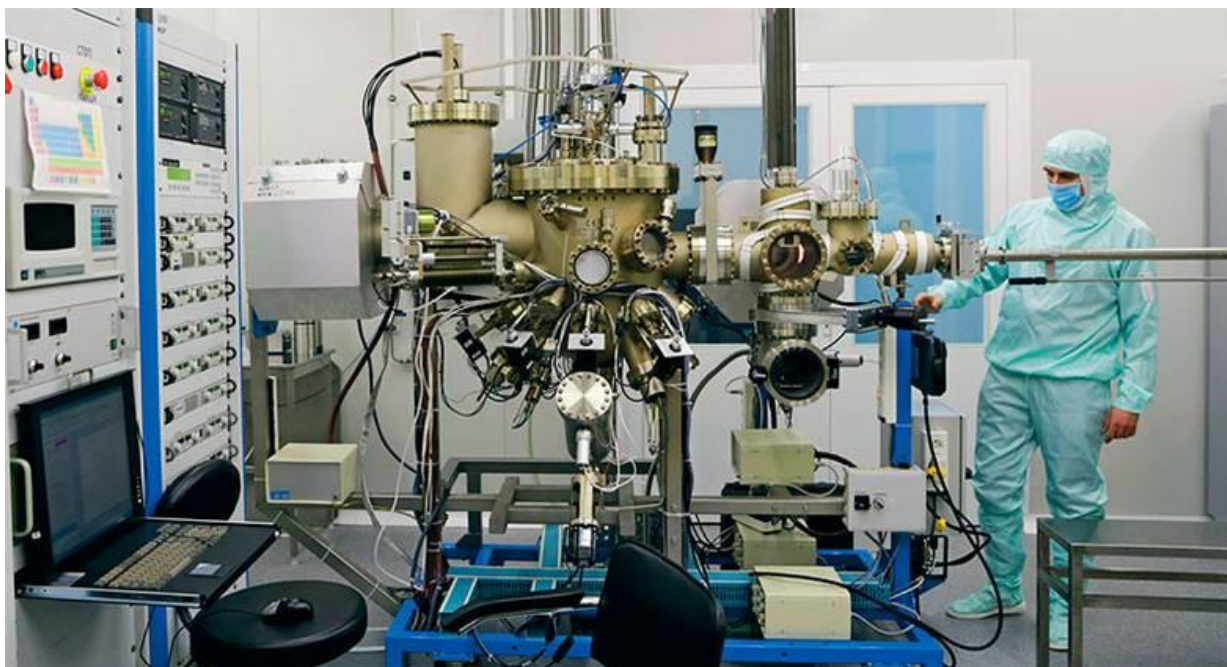
— Министр Валерий Фальков представил на совете ректоров основные идеи новой образовательной системы, которые сводятся к нескольким позициям. Вводится базовое высшее образование, продолжительность которого может быть от четырех до шести лет, в зависимости от направления подготовки. Соответствующий диплом является полноценным дипломом о высшем образовании. Этим мы уходим от проблемы как бы недоподготовленных специалистов — выпускников бакалавриата по техническим и естественно-научным специальностям. Далее возникает следующий уровень образования. Это либо магистратура, но уже более специализированная, одно- или двухгодичная — тоже в зависимости от специальности, либо аспирантура, если человек ориентируется на научную или педагогическую деятельность. Важно, что университет должен будет доказать, что он имеет потенциал реализовывать магистерские или аспирантские программы. По моей оценке, вряд ли больше четверти всех университетов страны получают такое право. В аспирантуру можно будет поступить как после магистратуры, так и после базового высшего образования. Замечу, что сейчас после специалитета поступить в магистратуру на бюджетное обучение нельзя. А в новой системе такая схема (шесть лет — базовое образование и два года — магистратура) будет возможна.

— Тот же Боровков считает, что если в технических вузах изначально, еще с советских времен, заложена серьезная фундаментальная подготовка, то неважно, какая система...

— Я в целом согласен с этой мыслью. Но, конечно, хотелось бы, чтобы система помогала, а не мешала. Возвращаясь к началу нашего разговора, любая образовательная система должна опираться на высококвалифицированный и ответственный педагогический

корпус. Ведущие университеты — это лучшие профессора, это научные школы и методические традиции преподавания. Все это вместе и создает необходимое качество образования, а как это будет называться — базовое высшее образование, о котором мы говорили только что, или, на болонском языке, бакалавриат плюс магистратура, — это вопрос второй.

В лабораториях МИФИ

Источник: Олег Сердечников

Ключевая цель, которая должна быть в центре нашего внимания, может быть сформулирована очень просто: во главе угла любых реформ системы образования должно стоять повышение качества преподавательского корпуса во всей образовательной системе: от начальной школы до аспирантуры

Надо ли связывать науку и бизнес

— Одно время была популярна концепция университета 3.0, которая предусматривала сочетание образования, науки и бизнеса. У нас были университеты, увлекавшиеся такой концепцией.

— У нас это иногда называют треугольником Лаврентьева, такая есть терминология. Это история про взаимоотношения университета с внешним миром. Прежде всего с реальной экономикой, с индустриальными партнерами.

Большинство университетов в нашей стране существует в рамках традиционной модели, когда основная функция университета — быть поставщиком кадров для рынка труда. А с другой стороны, индустрия может заказывать университету научно-исследовательские работы, если по каким-то причинам полагает, что этот университет выполнит их лучше, чем, скажем, академический институт.

Есть другая, гораздо более редкая схема — когда университет ориентирован на подготовку не отдельных специалистов, а проектных команд для крупного индустриального партнера в рамках каких-то его больших проектов.

И наконец, есть третья схема, которую я бы назвал инновационной. Она заключается в том, что университет и компания — индустриальный партнер вместе создают новый проект, который находится в периметре текущей деятельности индустриального партнера, но и университет, и компания, видят в нем потенциал совместного развития. Такая схема, на мой взгляд, наиболее перспективна и привлекательна. И очень многим ведущим университетам мира есть чем похвастаться в этом направлении. У нас, к сожалению, пока можно привести буквально единичные примеры, где такая схема работает, в том числе потому, что тут, помимо прочего, очень много юридических тонкостей — как «на берегу» договориться о том, как мы делим прибыли, если дело выгорит, или убытки, если оно прогорит.

Но когда мы говорим о триаде «образование — наука — реальная экономика или бизнес» — это только одна часть истории. Есть и вторая часть: какую долю этих активностей университет берет на себя, а на какую он привлекает внешних партнеров. То есть, в частности, сколько профессоров он имеет в своем штате, а сколько приглашает как совместителей. Какую часть научных работ он делает на своей инфраструктуре, а какую — на инфраструктуре других организаций, например национальных или международных лабораторий. И какие предпринимательские активности он развивает у себя внутри, а какие выводит наружу. Здесь, я уверен, никакого золотого стандарта нет и должны быть разные университеты — те, кто делает больший акцент на что-то одно, или на что-то другое. Наверное, можно порассуждать о том, как должно быть устроено оптимальное распределение университетов разного типа в конкретной стране, но по факту это, конечно, история динамическая.

Кроме того, это же не гринфилд, у каждого хорошего университета есть своя славная история и большая инерция. Университеты — это особые структуры: будучи источником инноваций, они все время изменяются и вместе с тем достаточно консервативны, за счет чего способны жить веками.

— Одной из составляющих модели 3.0 является бизнес. Насколько ваш университет ориентирован на подготовку студентов к самостоятельному бизнесу? Или специализация его такова, что в основном потребители ваших выпускников — государственной организации?

— Это вопрос сложный. Во-первых, как мы знаем из истории мирового технологического бизнеса, нет прямой корреляции между успехами человека в бизнесе и качеством его образования. Напротив, мы знаем, что многие основатели крупнейших компаний, такие как Билл Гейтс, тот же Стив Джобс, Марк Цукерберг и другие, не получили систематического высшего образования и покинули университет именно с целью развития своего бизнеса. Если говорить про МИФИ, то мы гордимся своими выпускниками: обладателей нашего диплома можно встретить на ключевых позициях в крупнейших компаниях страны, как государственных, так и частных, в том числе и собственных. Самое главное, что мы воспитываем в наших студентах, — это желание быть не просто человеком, который использует какой-то продукт как черный ящик, но человеком, который стремится понять, как это устроено. И нам кажется, что одним из важнейших элементов того, что сейчас называется технологическим суверенитетом, является сохранение и воспроизводство этого слоя людей — тех, кто понимает, что находится внутри черного ящика. В этом мы видим свою очень важную миссию, и поэтому нам

очень дороги те абитуриенты, которые хотят не просто правильно «нажимать на кнопки», но хотят понимать, куда «ведут проводки», которые к этим кнопкам подведены.

— Недавно я брал интервью у ректора Нижегородского университета [Елены Загайновой](#), и она как раз считает, что для классического университета это третье направление — бизнес — не самое важное, что главное для него — образование и наука.

— Могу здесь рассказать важную для нас историю, которая является предметом наших интенсивных обсуждений с ключевым партнером НИЯУ МИФИ, госкорпорацией «Росатом». Речь идет о блоке так называемых новых бизнесов госкорпорации. Современная система российского инженерного образования во многом по-прежнему следует великой советской инженерной традиции, к которой принадлежат Янгель, Челомей, Королев и многие другие выдающиеся люди. В этой традиции вопрос экономической эффективности никогда не стоял на первом плане по известным причинам. Это, вообще говоря, касалось и атомного проекта, хотя мы знаем, что СССР добился ядерного паритета с США, вложив на порядок меньше ресурсов, чем американцы вложили в Манхэттенский проект. Но есть и другая инженерная традиция, к которой принадлежат такие выдающиеся инженеры, как Эдисон, Сикорский, Форд и другие, для которой экономическое мышление встроено в образование инженера с самого начала. Другими словами, инженер, делая какую-то работу, задумывается о том, сколько эта работа будет стоить и кто будет потребителем результатов.

Нам остро не хватает таких людей. Это иллюзия, что можно сначала человеку дать инженерное образование, потом рассказать ему что-то про экономику, и он начнет мыслить как Форд. Это так не работает. С самого начала человек должен понимать, что реалии ресурсных и временных ограничений, рынков, спроса и предложения — это не какая-то еще одна наука, которой его научат наряду с отечественной историей и другими предметами гуманитарного блока, а это важные компоненты его инженерной деятельности, которые, в конечном счете, и делают ее по-настоящему востребованной. Не секрет, что есть немало инженеров, которые понимают, что эти вопросы есть, но они не считают их своими. По их мнению, это вопросы собственников бизнеса, экономистов, маркетологов, кого-то еще, но не инженеров.

Мы же исходим из того, что инженер нового поколения должен эти аспекты воспринимать так же, как и проблемы, скажем, массо-габаритных технических ограничений. Это имеет отношение и к гуманитарному компоненту технического образования в целом, касается и промышленного дизайна, эстетики и других подобных вещей, которые, будем откровенны, не являются нашей сильной стороной. А ведь во многих сложных приборах, окружающих нас в быту, от мобильных до автомобилей, это играет первостепенную роль. Подчас не начинка инженерного изделия, а, так сказать, обложка — то, что управляет восприятием потребителя, определяет его выбор. И огромное значение имеет умение посмотреть на то, что ты делаешь, глазами того, для кого ты это делаешь. Это само по себе тоже часть инженерии, и этому тоже надо учить. Скажем прямо, у нас тут есть, куда расти.

— И вы пытаетесь у себя это продвигать?

— Конечно. Мы рассматриваем это как очень интересный вызов для нас в воспитании инженеров нового поколения. Вообще, не открою секрет, если скажу, что у многих технарей, особенно молодых, довольно скептическое отношение к гуманитарному знанию. И это надо аккуратно, но последовательно изживать. Мы хотим, чтобы наш

выпускник понимал: мир велик, сложен, прекрасен и далеко не исчерпывается компьютерными кодами и математическими формулами.

Для этого, в частности, мы стараемся вовлекать наших студентов в проекты, которые предполагают использование естественно-научной методологии для решения каких-то гуманитарных культурологических задач. Например, использование ядерно-аналитических методов для датировки объектов культурного наследия, что для нас, с одной стороны, вполне профильно, а с другой стороны, мягко вводит студентов в более широкий культурный контекст. Конечно, у нас есть и традиционные гуманитарные активности — в частности, наш знаменитый Академический мужской хор МИФИ, без преувеличения, один из лучших мужских хоров мира. Всех приглашаю, пользуясь случаем, на концерты, получите очень яркое впечатление.

Прием в вузы: нужна тонкая настройка

— Насколько, на ваш взгляд, за последние годы изменился уровень абитуриентов? В частности, после введения ЕГЭ, который сейчас снова стал подвергаться решительной критике? Вновь раздаются призывы отменить его. И насколько качество выпускников школ соответствует требованиям, предъявляемым вашим университетом?

— Я бы выделил несколько тезисов, которые касаются нас. Тезис первый: я не думаю, что сегодня можно говорить о какой-то системной альтернативе ЕГЭ. Полагаю, что полная отмена ЕГЭ и возвращение к практике вступительных экзаменов в вузах — это на данном этапе просто нереализуемая вещь в рамках тех ресурсных и прочих ограничений, которые у нас сегодня есть.

Если же говорить об особенностях ЕГЭ, то, на мой взгляд, главная проблема ЕГЭ заключается в том, что он лишает среднюю школу субъектности. Если я правильно помню, ваш коллега Александр Привалов высказывал эти мысли еще много лет назад. Среднее образование через призму ЕГЭ рассматривается не как самоценный законченный этап образовательной траектории человека, а как ступень подготовки к высшему образованию. И в этом смысле все становится подчинено тому, чтобы эту подготовку пройти успешно. Вместо того чтобы изучать какой-то предмет, ученик готовится к тому, чтобы хорошо сдать по нему экзамен. А это разные вещи, и в этом главная проблема. Многие школьники, особенно в последние годы учебы, уже определившись, какие предметные ЕГЭ они будут сдавать, фактически перестают изучать какие-либо другие предметы. Все оказывается подчинено цели успешной сдачи ЕГЭ, получения высокого балла и поступления на бюджетное место в хороший университет. А если потом молодой человек обнаруживает, что выбор направления подготовки был сделан ошибочно и хочет сменить его, он уже не может этого сделать: слишком многое, необходимое для других направлений, упущено.

Нельзя обойти вниманием и проблему миграции сильных школьников. С одной стороны, мы с полным на то основанием говорим, что ЕГЭ позволил ребятам с высокими баллами из регионов поступать в столичные вузы. С другой же стороны, мы сетуем на то, что из регионов в Москву и Санкт-Петербург идет постоянный отток сильнейших выпускников, что, конечно, ослабляет местные университеты и в конечном счете сами регионы. Возникает естественное недоумение: одно и то же явление мы, с одной стороны, возводим в достоинство, а с другой — определяем как проблему. И, к сожалению, вокруг ЕГЭ хватает таких, политкорректно выражусь, дуальностей.

При этом с нашей колокольни, если мы говорим про инженерно-исследовательскую подготовку, основная проблема в том, что любая такая деятельность по своей природе междисциплинарна и метапредметна, в то время как школьное обучение и ЕГЭ организованы по предметному принципу. И здесь нет жесткой зависимости между тем, на какой балл ребенок сдал ЕГЭ, и его способностями к инженерной деятельности. Скажу больше: мы для всех поступивших к нам студентов-первокурсников проводим единое тестирование по математике. И мы не наблюдаем каких-либо корреляций между их результатами ЕГЭ по математике в области высоких баллов и результатами нашего тестирования. Другими словами, нет статистически значимой разницы между теми, кто поступил, скажем, с 94 баллами, и теми, у кого, например, 89 баллов. Но для конкретного человека это очень большая разница, потому что 94-балльный поступил на желаемое направление подготовки, а 89-балльный — нет, так как ему не хватило этих пяти баллов.

Конечно, есть олимпиадные истории, но и с олимпиадами тоже не все так просто. Любые олимпиады — это всегда, так или иначе, выполнение заданий на время. А есть достаточно много детей, которые по своей психофизике не хотят и не любят думать на время. Они размышляют медленнее, но зато, возможно, глубже и оригинальнее. У них может быть не так развито комбинаторное мышление и элементы эйдетической памяти, что очень важно для успехов на олимпиадах, но зато, например, им больше нравится ставить новые нетривиальные вопросы, чем отвечать на вопросы, придуманные другими. И система поступления в вузы через победы на олимпиадах этих замечательных детей «плохо видит». Всем этим я никоим образом не дезавуирую достижения победителей олимпиад, мы сильных олимпиадников любим, ждем и ценим, но тем не менее другую сторону медали тоже нужно понимать.

Резюмируя, думаю, что здесь какого-то королевского решения, какой-то серебряной пули не существует, хотя эволюционные улучшения необходимы и возможны. Разговоры же о том, что давайте просто снесем ЕГЭ и все вернем, как было при советской власти, на мой взгляд, просто пустые и безответственные.

— То есть просто нужны более тонкие, может быть, настройки процесса приема в вузы?

— Нужно прежде всего большее количество каналов поступления в вуз. У нас, например, есть конкурс индивидуальных достижений абитуриентов, и этот конкурс предполагает, что если у вас есть какие-то достижения в интеллектуальной сфере, любого характера, но которые вы можете документально подтвердить, то мы вас ждем и готовы взять вас на обучение за счет средств нашего университета, даже если вам не хватает баллов по ЕГЭ.

Например, у вас шахматный рейтинг Эло больше 2000. Или вы выиграли какое-то соревнование на платформе Kaggle. Или написали самостоятельно какой-то программный продукт, который дальше кем-то внедрен и используется. И мы очень к этому открыты, в прошлом году мы начали использовать этот подход, мы его дальше хотим развивать. То есть мы за диверсификацию путей поступления в университет, чтобы абитуриент понимал: ЕГЭ — это не единственная калитка, а неудачно написанный ЕГЭ не приговор. В конце концов, мы ведь понимаем, что в основе всего лежит мотивация. Ребенок может быть очень талантливый, но в силу того, что, например, в его школе не было нормального учителя физики, у него здесь проблемы. Или у него сложное положение в семье. А на самом деле у него все в порядке и со способностями, и с трудолюбием, и так далее. Но по ЕГЭ мы этого человека потеряем. А мы хотим через какие-то другие инструменты, через какие-то наши профильные олимпиады, через мероприятия, которые «Росатом» проводит в регионах, этого молодого человека найти и дать ему возможность состояться.

— **А как в рамках чисто формального подхода вам это удается?**

— Просто университет некоторую часть своих ресурсов осознанно выделяет на поддержку людей, которых существующая система отбора по каким-то причинам дискриминирует. Если говорить о конкурсе индивидуальных достижений, мы берем студента на платное обучение, но плату за его обучение вносит университет. Он не конкурирует за бюджетные места. Если он может по своим баллам ЕГЭ или по олимпиадным результатам поступить на бюджет, то тут нет вопросов, он поступает и учится. Мы говорим о ситуации, когда абитуриенту не хватает баллов для бюджетного места, но мы, общаясь с ним, видим, что он нам интересен, сможет у нас учиться и с хорошей вероятностью не будет отчислен после первой сессии.

Это решение принимается не автоматически. У нас есть специальная комиссия, которая проводит индивидуальные собеседования с каждым из этих людей, и если мы экспертно понимаем, что из этого человека может вырасти тот специалист, которого мы хотим видеть своим выпускником, то университет осознанно инвестирует свои деньги в этого человека. Это как стипендия от университета, если угодно, покрывающая стоимость его обучения. И мы будем расширять этот механизм. Но надо понимать, что это достижение все-таки должно быть достаточно весомым, это не значок ГТО, при всем уважении. Это что-то такое, что выделяет ребенка из числа, условно говоря, сотен его ровесников.

— **Чтобы подвести итог нашей беседы: чего вы ждете от происходящих изменений и для своего вуза, и в целом для высшего образования?**

— Я верю, что в каждом новорожденном ребенке на Земле есть свой талант и потенциал величия. Если мы берем российских первоклассников, то я думаю, что они такие же замечательные, как и все первоклассники на планете. Хотя у меня нет статистики по всему школьному образованию страны, но если говорить про тех школьников, которые поступают в ведущие университеты, в частности в НИЯУ МИФИ, то я точно знаю, что они ни в чем не уступают своим ровесникам, которые приходят в лучшие университеты мира. При всех известных проблемах в среднем звене нашего образования.

А вот если мы говорим про выпускников вузов, то здесь уже ситуация более сложная. Но, несомненно, лучшие наши выпускники по-прежнему ни в чем не уступают лучшим выпускникам лучших зарубежных университетов. И это отличная новость, даже если по формальным рейтингам наши университеты находятся на не самых высоких позициях в силу исторических причин, языкового барьера и так далее.

Другими словами, мы стартуем с того же качества человеческого капитала, что и образовательные системы Юго-Восточной Азии, Северной Америки, Западной Европы. Наши дети ничем не хуже. Но хочется, чтобы и наши выпускники, и наши кандидаты и доктора наук были не хуже, чем в соответствующем возрасте их ровесники и конкуренты. И качество системы образования, то, на что все реформы должны быть нацелены, на мой взгляд, определяется тем, насколько человек, который вышел из этой образовательной системы, конкурентоспособен на рынке труда. В том числе на мировом рынке интеллектуального труда, что очень важно, по крайней мере для ведущих университетов, находящихся, так или иначе, внутри глобальной научной повестки, которая никакого спуска, как в большом спорте, никому не дает.

Возвращаясь к началу нашего разговора, я думаю, что ключевая цель, которая должна быть в центре нашего внимания, может быть сформулирована очень просто: во главе угла любых реформ системы образования должно стоять повышение качества

преподавательского корпуса во всей образовательной системе: от начальной школы до аспирантуры, — что обязательно приведет к повышению качества выпускников, которых эта система готовит. И здесь, скажем прямо, нам есть над чем работать.

стр. 44

<https://expert.ru/expert/2023/21/glavnoye-v-obrazovanii-uchitel/>

Заглавие статьи

Главное в образовании — учитель

Источник

Эксперт, № 21, 22 мая 2023

Страницы

44